

Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Конопаткина Владислава Алексеевича на тему «Саморепрезентация римской императорской власти в V веке н. э.» по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Представленная к защите кандидатская диссертация Владислава Алексеевича, несомненно, актуальна не только в силу своего сюжета – как центральная императорская власть в поздней Римской империи заявляла о себе подданным – но и в силу своей ярко выраженной междисциплинарной методологии, которой автор последовательно придерживается на протяжении всего текста.

Владислав Алексеевич рассматривает различные методы саморепрезентации позднеримской императорской власти в V в. (придворные ритуалы и церемонии, публичные торжества в городах, монеты с изображением императора, оглашение его имени и зачитывание вслух его законов) как самодостаточные семиотические системы (С. 5), т.е. способы самовыражения императорской власти через практики символической коммуникации – действия, нацеленные на восхваление императора, но проводимые в форме общения правителя с разными группами его подданных. Как отмечает диссертант, с помощью таких мероприятий власть в том или ином виде сообщала их участникам и зрителям свои идеи, касавшиеся политического устройства общества, но эти идеи не насаждались государством в принудительном порядке. Коммуникация между властью и обществом выстраивалась, по мнению соискателя, на основе диалога, а не одностороннего административного давления, поскольку публичные празднества и церемонии всегда были массовыми мероприятиями, власть вовлекала в них большие скопления людей, чтобы быстро и эффективно донести до общества свои представления о надлежащем государственном устройстве (С. 19, 24, 26, 31, 34).

И в этом смысле отмечу, что своей диссертацией Владислав Алексеевич фактически обосновывает необходимость более широкого

понимания термина «семиотика» в профессиональном сообществе исследователей-антиковедов: первичное, наиболее общее определение, сформулированное в начале XX в. отцами-основателями этой дисциплины (Фердинандом де Соссюром и Чарльзом Пирсом) – наука, изучающая виды знаков, их различия и связи друг с другом, функции знаков, а также способы, с помощью которых они передают условному читателю те или иные смыслы¹ – преимущественно ограничивало поле деятельности семиотики историей художественной литературы и стилистическим анализом произведений писателей, т.е. литературоведением. В последнее время исследователи-антиковеды довольно часто обращаются к методам семиотики, рассматривая творчество различных позднеантичных авторов (например, поэта рубежа IV–V вв. Пруденция, панегириста времен Константина I Великого Публилия Оптациана Порфирия или знаменитого писателя-сенатора первой трети V в. Макробия), но в основном эти исследователи являются филологами-классиками, соответственно, их интересы не выходят за рамки литературоведческого профиля². Другими словами, многие современные исследователи-антиковеды применяют методы семиотики в рамках традиционной точки зрения, понимавшей под семиотикой литературоведческий анализ.

Вместе с тем, еще в конце 1960-х гг. Умберто Эко предложил понимать под семиотикой любой процесс коммуникации между знаком, его информацией и получателем этой информации, соответственно, по его мнению, любую область культуры можно исследовать с позиций семиотики, т.е. как процесс коммуникации между знаками и их получателями, а значит, по мысли исследователя, предмет семиотики в широком смысле – это

¹ См.: Culler J. *The Pursuit of Signs. Semiotics, Literature, Deconstruction*. London, 2001². P. VIII.

² Goldlust B. *Rhétorique et poétique de Macrobie dans les Saturnales*. Turnhout, 2010; Körfer A.-L. *Kaiser Konstantin als Leser. Panegyrik, performance and Poetologie in den carmina Optatians*. Berlin–Boston, 2020; Krollpfeifer L. *Rom bei Prudentius. Dichtung und Weltanschauung in “Contra orationem Symmachi”*. Göttingen, 2017; Mastrangelo M. *The Roman Self in Late Antiquity. Prudentius and the Poetics of the Soul*. Baltimore, 2008.

взаимный обмен информацией между двумя сторонами процесса³. В связи с рассуждениями итальянского культуролога подчеркну, что Владислав Алексеевич применяет методы семиотики именно в этом, широком смысле – он справедливо обращает внимание на то, что во многих предшествовавших исследованиях, посвященных церемониям в эпоху поздней Античности (Герхард Рэш, Майкл Маккормик, Сабин Маккормак), титулы и другие символические атрибуты императорского статуса воспринимались просто как инструменты придворной пропаганды, т.е. официальной имперской идеологии (С. 18). От себя замечу, что и в области современной византистики наблюдается примерно та же тенденция – в исследованиях, посвященных, к примеру, пропаганде времен императора Ираклия (610–641 гг.), его титулы тоже рассматриваются исключительно как инструмент идеологии, насаждаемой сверху и не получающей никакого ответа со стороны общества, более того – сам вопрос о восприятии этих титулов в массовом сознании и на повседневном уровне не ставится как таковой⁴.

Только совсем недавно, в 2024 г., вышла в свет монография молодого историка-антиковеда Кристиана Роллингера «Церемонии и власть в поздней Античности»⁵, где и сама власть, и церемониальный аспект ее функционирования представлены как раз с позиций семиотики и близкой к ней перформативной теории – для сравнения, в западной медиевистике этот сюжет уже в 1990-х гг. был подробно разобран Гердом Альтхоффом, в отечественном академическом пространстве – чуть позже, в конце 2000-х гг.,

³ *Eco U.* Einführung in die Semiotik / Übersetzt von J. Trabant. München, 1972. S. 19–20, 30, 33, 35, 38–39.

⁴ *Zuckerman C.* On the Titles and Office of the Byzantine βασιλεύς // *TM*. 2010. Vol. 16. P. 865–890; *Schreiner P.* Zur Bezeichnung “Megas” und “Megas Basileus” in der byzantinischen Kaisertitulatur // *Byzantiaka*. 1971. Vol. 3. S. 173–192; *Raum Th.* Szenen eines Überlebenskampfes. Akteure und Handlungsspielräume im Imperium Romanum 610–630. Stuttgart, 2021; *Viermann N.* Herakleios, der schwitzende Kaiser. Die oströmische Monarchie in der ausgehenden Spätantike. Berlin, 2021; *Meier M.* Herakles – Herakleios – Christus. Georgios Pisides und der *kosmorrhýstes* // *Antike Mythologie in christlichen Kontexten der Spätantike* / Hrsg. von H. Leppin. Berlin–New York, 2015. S. 167–192.

⁵ *Rollinger Chr.* Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel. Stuttgart, 2024.

Михаилом Анатольевичем Бойцовым. Поэтому, на мой взгляд, диссертация Владислава Алексеевича не только выполнена в русле новейших методологических тенденций антиковедения, но и органично подстраивает методологию из литературоведческого профиля под задачи исторического исследования.

Переходя к характеристике непосредственно самой сюжетной структуры диссертации, отмечу, что автор удачно сочетает хронологический, территориальный и институционально-правовой принципы повествования, что, прежде всего, обусловлено широким комплексом разножанровых источников, привлеченных к исследованию. Подробно и в то же время – достаточно компактно Владислав Алексеевич рассматривает в I главе общие особенности функционирования позднеримской административной системы, в удобной форме показывая ранговую иерархию и сложные взаимосвязи институтов позднеримского бюрократического механизма. Во II главе диссертант переходит к разбору собственно придворно-церемониальных сюжетов, соответственно, позволю себе не пересказывать содержание глав исследования, а выделю наиболее важные, на мой взгляд, выводы диссертанта, которые не только существенно обновляют тему, но и показывают, как автор совмещал разные исследовательские стратегии при изложении материала.

Крайне важным мне представляется вывод диссертанта о том, что к началу V в. практически все функции государственного управления в обеих половинах империи сосредоточились в императорском дворце, а это, в свою очередь, лишало позднеримских императоров мобильности и возможности непосредственно контактировать со своими подданными. Прекращение практики постоянных перемещений императоров по территории империи, по мнению Владислава Алексеевича, как раз и стало главной причиной разработки сложного комплекса церемоний и ритуалов, позволявших имитировать присутствие императора в любой точке империи (С. 75). Примечательно, что в описаниях различных церемоний, особенно аудиенций

для послов других государств, прибывавших в Константинополь, диссертант находит убедительные подтверждения этой малоподвижности императора – к примеру, материалы официального законодательства свидетельствуют, что с конца IV в. центральная администрация запрещала носить тяжелые пурпурные одеяния кому-либо, кроме императора (С. 92).

В той же II главе диссертант убедительно показывает, что такие практики придворного церемониала, как падение ниц перед императором, коленопреклонение и поцелуй мантии императора восходят не к периоду Диоклетиана, т.е. к рубежу III–IV вв., а ко времени раннего Принципата, т.е. эпохи II–III вв. (С. 100–101, 103). Этот вывод, на мой взгляд, позволил автору с новых позиций проследить дальнейшую эволюцию статуса императорской власти уже после Диоклетиана – если к концу эпохи Принципата сложилась практика почитания физического присутствия императора, то после Диоклетиана, к началу V в., постепенно утвердились ритуалы приветствия *образа*, точнее даже – облика императора, где бы он сам ни находился.

Важно отметить, что, несмотря на приоритет в пользу современных литературоведческих и социологических теорий, значительную роль в работе играет и классический хронологический метод – к примеру, в III главе благодаря эффективному сочетанию указанных методик диссертант привлек внимание исследователей к полузабытому, на мой взгляд, факту, что с 440 г. западноримские императоры преимущественно размещались в Риме, поскольку с того времени именно в Вечном городе располагалась официальная императорская резиденция. К этому выводу автор пришел на основе обстоятельной работы с хрониками и панегириками, написанными в V–VI вв. – трудами Идация, Сидония Аполлинария, Анонима Вalezия и Кассиодора (С. 125, 127, 129).

Наконец, в IV главе текста диссертант раскрывает связь двух особенностей позднеримских придворных практик – публичного оглашения имени нового императора и зачитывания вслух законов императора на центральных площадях крупных городов империи. Как показывает

Владислав Алексеевич, все эти практики тоже были ориентированы на диалог с подданными, а не на прямое административное давление: во время публичных празднеств горожане часто выкрикивали антиправительственные лозунги и открыто критиковали императора (С. 196, 198), сами же правители настойчиво заявляли о себе в различных законах как о заботливых отцах, пастырях и проповедниках, думающих прежде всего о моральном состоянии подданных и о справедливом государственном устройстве (С. 205–208).

Тем не менее, следуя законам жанра, выскажу несколько рекомендаций технического и содержательно-тематического характера, которые, на мой взгляд, позволили бы диссертанту уточнить или расширить некоторые выводы. Во Введении, на стр. 19–20, Владислав Алексеевич справедливо пишет, что в историографии XIX – начала XX вв. панегирики как вид источников рассматривались исключительно как образцы риторики, где их авторы произвольно искажали смысл событий в угоду императору, тогда как в современной историографии панегирики оцениваются как инструменты формирования образа императора в массовом сознании. В связи с этими наблюдениями, на мой взгляд, диссертанту было бы полезно привлечь исследовательские разработки французского антиковеда-нумизмата Антони Остена (Antony Hostein), показавшего еще одну ценную грань творчества панегиристов – по его мнению, многие галльские риторы периода Тетрархии и Константина I Великого активно лоббировали интересы крупных городов Галлии и в целом – галльской муниципальной знати, стремившейся получить от императоров значительные налоговые послабления⁶. Другими словами,

⁶ Hostein A. 1) Histoire et rhétorique. Rappels historiographiques et état des lieux // Hypothèses. 2002. Vol. 1 (5). P. 219–234; 2) Le *Panegyrique latin* VII (6) ou l'éloge de la *pietas* de Constantin // Constantin et la Gaule. Autour de la vision de Grand / Éd. par L. Guichard, A. Gutsfeld, Fr. Richard. Nancy/Paris, 2016. P. 35–48; 3) Panegyrique et épigraphie. Observations sur le Panegyrique latin VIII (5) // Discours et systèmes de représentation: modèles et transferts de l'écrit dans l'Empire romain. Actes des colloques de Nice (septembre 2009 – décembre 2010) / Éd. par M. Crété. Besançon, 2016. P. 221–240; 4) Un *exemplum* historique dans le discours d'Eumène. À propos de *Panegyrique latin* V(9),7,3 // Clio sous le regard d'Hermès. L'utilisation de l'histoire dans la rhétorique ancienne de l'époque hellénistique à l'Antiquité tardive / Éd. par P.-L. Malosse. Alessandria, 2010. P. 201–210.

Антони Остен воспринимает галльские латинские панегирики как самодостаточные политические манифесты (программы), предложения по переустройству Галлии, направленные на имя императора, а не просто как выражение лояльности и инструмент пропаганды. В этом смысле, как мне кажется, идеи и методы Антони Остена близки семиотическому подходу диссертанта.

На стр. 25 того же Введения Владислав Алексеевич называет свой подход «синтетическим», отмечая, что он стремится рассмотреть в едином комплексе все известные по источникам формы саморепрезентации императора, не сосредотачиваясь исключительно на церемониях адвента (т.е. триумфального вступления императора в город) и элементах пропаганды. На мой взгляд, здесь автору было бы логичнее назвать свой подход «перформативным», тем более что на следующей странице, в разделе по методологии, он ссылается на статью современного немецкого антиковеда Карла-Йоахима Хёлькескампа, посвященную именно применению перформативного подхода в изучении деятельности властных структур от классической Античности до эпохи наполеоновских войн.

Говоря об исследовательской литературе, не могу не упомянуть и книгу Петера Гемайнхардта «Латинское христианство и античное языческое образование»⁷, к сожалению, отсутствующую в списке литературы диссертации – книга вышла в 2007 г. и вплоть до настоящего времени остается очень фундированным обзором системы позднеримского образования. Полагаю, что выводы Петера Гемайнхардта следовало бы учесть в первую очередь во Введении, при разборе источниковой базы – там, где диссертант пишет о роли классика антиковедения – Питера Брауна – в изучении риторики как основного инструмента позднеримского образования (С. 37). Поскольку монография Петера Гемайнхардта в значительной мере посвящена тем же вопросам, но разобранным уже с более новых позиций, на

⁷ *Gemeinhardt P. Das lateinische Christentum und die antike pagane Bildung. Tübingen, 2007.*

мой взгляд, ее логично было бы привлечь в рамках общего источниковедческого или, как вариант, историографического обзора.

Переходя же к содержательно-тематическим моментам, остановлюсь на двух наиболее примечательных, на мой взгляд, сюжетах. В главе II, на стр. 76–77, Владислав Алексеевич отмечает, что с 395 г., после смерти Феодосия I, все остальные императоры утратили функции военного лидера и превратились исключительно в дворцовых правителей, ограничиваясь пребыванием во дворце. Но замечу, что подобные изменения в статусе императора прослеживаются задолго до 395 г., они скорее постепенно подготавливались в течение всей второй половины IV в. На мой взгляд, лучшим подтверждением этого тезиса служат сведения константинопольского ритора Фемистия, написавшего несколько речей в честь различных императоров IV в. – в качестве примера позволю себе привести один весьма яркий пассаж из его речи, адресованной восточноримскому императору Валенту и произнесенной в феврале – марте 370 г. в Константинополе, в зале заседаний Сената, в присутствии самого императора⁸. Как восторженно сообщает Фемистий, «Ведь Александр (Македонский – *Е.М.*) избавился от Каллисфена, не вынеся [его] смелых речей, поскольку тот увещевал [Александра] твердо придерживаться македонских законов. Ты же призываешь [к себе] ученых мужей, даже если они боятся [тебя], и все то время года, в течение которого ты в силу необходимости остаешься в [этом] месте (в Константинополе – *Е.М.*), ты зимуешь вместе с речами. И на равных с военачальниками ученые мужи [сидят] на почетных местах, и стража благоразумия, [сидящая] вокруг тебя, сплетается вместе с войском, которое служит тебе, в красивейшую ткань» (Καλλισθένην μὲν γὰρ Ἀλέξανδρος, ὅτι παρήνει τοῖς νομίμοις ἐμμένειν τῶν Μακεδόνων, τὴν παρρησίαν οὐκ ἐνεγκὼν ἀπεσεύσατο. σὺ δὲ προσκαλεῖς τοὺς φιλοσόφους, καὶ ἀποκνῶσι, καὶ ὅποσον σὺ χρόνον τοῦ ἔτους ἐπὶ χώρας μένεις

⁸ *Vanderspoel J.* Themistius and the Imperial Court. Oratory, Civic Duty, and *Paideia* from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1995. P. 173; *Errington R.M.* Themistius and His Emperors // *Chiron*. 2000. Bd. 30. P. 887–888.

ἀνάγκη χειμερίζεις μετὰ τῶν λόγων. τοῖς στρατηγοῦσι δὲ οἱ φιλοσοφοῦντες ἐν ἴσῃ τῇ προεδρίᾳ, καὶ συμπλέκεται τὴν καλλίστην πλοκὴν ἢ περὶ σὲ δоруφορία γνώμης ἅμα καὶ δυνάμεώς σε θεραπευούσης – Them. Or. X. 129d – 130a). Из слов Фемистия видно, что он не просто прославляет Валента за *совмещение* гражданских и военных функций, но и считает подобное совмещение естественным и даже обязательным – император не может все время участвовать в войнах, в равной мере он должен заниматься гражданскими делами, присутствуя во дворце и прислушиваясь к мнениям советников-сенаторов. А значит, уже с середины IV в. среди интеллектуалов поздней Римской империи постепенно утверждалась мысль, что императору следует все же сосредоточиться на гражданском управлении, разместив все институты и службы гражданской администрации в своем дворце. Полагаю, что Владиславу Алексеевичу было бы полезно привлечь сведения Фемистия для более широких структурно-типологических сопоставлений – рассуждения ритор подсказывают, что усиление церемониального статуса императора на рубеже IV–V вв. во многом было связано и с изменениями в общественном сознании позднеримской интеллектуальной элиты второй половины IV в.

Последний сюжет, по которому у меня возникли определенные возражения – тезис Владислава Алексеевича о том, что вполне допустимо распространять опыт проведения придворных и праздничных церемоний в Константинополе на другие крупные города империи, поскольку «формального раздела империи никогда не было и высочайшие указы имели равную силу в обеих частях государства» (С. 125). Прежде всего, отмечу, что, помимо Константинополя, диссертант в основном уделяет внимание Риму, несколько страниц в IV главе посвящено и церемониям, проходившим в Антиохии, т.е. в ближневосточном регионе, тем не менее большая часть сведений диссертации относится к Константинополю и именно его придворно-церемониальная культура разобрана максимально подробно. В связи с этим обращаю внимание на проблему политической идеологии и связи

этой идеологии с государственно-правовой реальностью. Еще в 1996 г. известный австралийский антиковед Питер Бреннан в своей знаменитой статье о позднеримском административном справочнике *Notitia Dignitatum*⁹ пришел к выводу, что в первой трети V в. центральные власти империи (прежде всего, ее западной половины) активно стремились сформировать и внедрить в массовое сознание идею о триумфальном единстве империи, тогда как в реальности с 395 г. западная и восточная половины империи не только существовали как отдельные государства, но и постоянно конфликтовали друг с другом. На мой взгляд, в методологическом плане точка зрения Питера Бреннана подсказывает, что фактор формального единства империи не следует воспринимать как решающий – единство было именно формальным, поэтому вряд ли целесообразно распространять церемониальный опыт Константинополя на другие города империи.

Перечисленные выше замечания носят рекомендательный характер и ни в коей мере не влияют на общую положительную оценку диссертационной работы. Диссертация Владислава Алексеевича представляет собой завершенное научное исследование, в котором итоговые выводы полностью отвечают на вопросы, поставленные во Введении, а весь материал и структура соответствуют заявленным во Введении целям и задачам. Своим содержанием диссертация впервые в российской историографии столь системно и подробно раскрывает вопрос о позднеримской придворно-церемониальной культуре в ее связи с образом императора, затрагивая столь же подробно политическую мысль поздней Римской империи и особенности ее бюрократического механизма. Соответственно, диссертация Владислава Алексеевича отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим

⁹ Brennan P. The Notitia Dignitatum // Les littératures techniques dans l'Antiquité romaine. Statut, public et destination, tradition / Éd. par Cl. Nocolet (Entretiens sur l'Antiquité classique, 42). Genève, 1996. P. 147–178.

наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Владислав Алексеевич Конопаткин заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,

доцент кафедры истории средних веков

федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения

высшего профессионального образования

«Санкт-Петербургский государственный университет»

Мехмадиев Евгений Александрович

С

28.07.2026.

Контактные данные:

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

07.00.03 – Всеобщая история

Адрес места работы:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9.

Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Санкт-Петербургский государственный университет». Институт истории

Тел.: 8 (812) 328-97-01; e-mail: spbu@spbu.ru

РОССИЯ

СА
У
7